
Алекс Скай
ПАПА СТРОГОГО РЕЖИМА
ДОПУСК ТОЛЬКО ЧЛЕНАМ СЕМЬИ
ПРАВИЛА ДОМА, КОТОРЫЙ ПОЧТИ НОРМАЛЬНЫЙ
1. Смеяться можно до ужина
2. После ужина тоже можно, если папа не разговаривает по телефону
3. Семён имеет право сидеть на пианино по пятницам
4. Если взрослые делают вид, что не волнуются, им нельзя верить
Лучше поздно, чем без кофе
Мама
ПО КОНТРАКТУ для
ПАПЫ
СТРОГОГО РЕЖИМА

Алекс Скай
Мама по контракту для папы строгого режима

https://litres.ru/74345732

Аннотация

Первая часть доступна по ссылке -

Вера Соколова всего лишь хотела быть няней для двух детей строгого босса. Но в доме Романа Ветрова всё давно пошло не по инструкции: Ася уже рисует её рядом с семьёй, Марк делает вид, что ему всё равно, а сам Роман смотрит на Веру совсем не как на сотрудницу.

Когда прошлое возвращается и грозит разрушить хрупкий мир детей, Роман предлагает Вере невозможное:

стать его невестой. По договору. Для спокойствия семьи, комиссии и тех, кто хочет доказать, что он плохой отец.

Вера понимает: соглашаться нельзя. Потому что дети поверят. Потому что сердце уже слишком близко. Потому что мамой не становятся по контракту.

Но как уйти, если маленькая девочка спрашивает: “Вера теперь будет нашей мамой? По-настоящему?”

И как устоять перед мужчиной, который привык всё контролировать, но впервые боится потерять не сделку, а её?

Содержание

Предложение, от которого нельзя смеяться 4
Мама не входит в должностную инструкцию 38
Невеста строгого режима 84
Конец ознакомительного фрагмента. 86

Предложение, от которого нельзя смеяться

Когда мужчина, которого ты почти случайно научила улыбаться, вызывает тебя в кабинет со словами “нам нужно поговорить о детях”, нормальная женщина начинает волноваться.

Я — не нормальная.

Я сначала проверила, не устроил ли Семён-динозавр государственный переворот на пианино.

Потому что в доме Романа Ветрова всё серьёзное обычно начиналось с чего-нибудь подозрительно маленького: с каши, которой не хватало характера, с подушки, которая решила стать стеной замка, с детского рисунка, приклеенного к идеально гладкому холодильнику, или с Марка, который говорил “это не я” ещё до того, как кто-нибудь успевал его в чём-нибудь обвинить.

Сегодня, правда, начиналось слишком хорошо.

И именно это меня настораживало.

Дом Ветровых к началу осени уже перестал выглядеть как дорогой музей, где детям разрешено проходить только по мягким дорожкам и с письменным разрешением от мебели. В холле появилась корзина с шарфами, которые Ася называла “плащами для важных дел”. На лестничной площадке два

дня прожил бумажный дракон Марка, пока Инга Павловна не заключила с ним перемирие и не перенесла на полку. На кухне стояла моя кружка — зелёная, с кривой ромашкой и надписью “Лучше поздно, чем без кофе”, хотя кофе я пила редко, а опаздывать в дом Романа Ветрова после первого легендарного собеседования старалась только мысленно.

На холодильнике висел листок.

Не расписание.

Не регламент.

Не очередная таблица с занятиями, перерывами, правильным временем для яблока и неправильным временем для громкого смеха.

Листок был детский, неровный, украшенный разноцветными наклейками. На нём крупными буквами было написано:

“ПРАВИЛА ДОМА, КОТОРЫЙ ПОЧТИ НОРМАЛЬНЫЙ”.

Пункт первый: смеяться можно до ужина.

Пункт второй: после ужина тоже можно, если папа не разговаривает по телефону.

Пункт третий: Семён имеет право сидеть на пианино по пятницам.

Пункт четвёртый был написан почерком Марка:

“Если взрослые делают вид, что не волнуются, им нельзя верить”.

Вот с этим пунктом я теперь была полностью согласна.

— Вера, — позвала Ася из-под кухонного стола. — А если я здесь живу уже пять минут, это считается переездом?

Я заглянула вниз.

Под столом сидела шестилетняя принцесса в жёлтом платье, с двумя косичками, в которых торчали синие бантики, и с таким выражением лица, будто она не пряталась, а руководила подпольным штабом. Рядом с ней лежала подушка, чашка с какао и Семён-динозавр, которому на шею повязали салфетку.

— Смотря от кого ты переезжаешь, — сказала я. — От завтрака?

— От Марка.

— Тогда это не переезд. Это временное убежище.

Марк, сидевший за столом с тетрадью, не поднял глаз.

— Она сама предложила сыграть в школу. Я назначил контрольную. Она сбежала.

— Я не сбежала! — возмутилась Ася снизу. — Я ушла в творческий отпуск.

— От одной буквы?

— Она была сложная.

— Это была буква “А”.

— Она слишком уверенная в себе!

Я поставила на стол тарелку с сырниками и посмотрела на Марка.

— Не давите на творческую личность алфавитом.

— А как её готовить к школе?

— Мягко. С уважением к её дипломатическим отношениям с буквой “А”.

Марк хмыкнул, но уголок рта выдал его раньше, чем он успел спрятать улыбку. За последние недели я научилась читать улыбки Марка так же внимательно, как прогноз погоды перед выходом без зонта. У него были разные виды: насмешливая, защитная, “я умнее вас всех, но промолчу из вежливости”, почти настоящая и та редкая, которую он позволял себе только когда думал, что никто не смотрит.

Сегодня была почти настоящая.

— А папа уже ушёл? — спросила Ася из-под стола.

Я машинально посмотрела на часы.

— Ещё нет. У него встреча позже.

— Значит, он может позавтракать с нами?

Вот тут кухня сразу стала тише.

Не потому что вопрос был сложным.

А потому что ещё недавно он был невозможным.

Роман Ветров не завтракал “с нами”. Роман Ветров проходил через кухню как глава небольшого государства: строгий, собранный, с телефоном в руке, с коротким “доброе утро”, которое звучало так, будто его утвердили заранее. Дети ели. Инга Павловна следила за порядком. Я пыталась добавить в это расписание хоть немного человеческой температуры.

А потом Роман начал оставаться.

Сначала на две минуты.

Потом на пять.

Потом однажды сел за стол и съел сырник, который Ася украсила ягодной улыбкой. Вид у Романа был такой, будто он подписывает важное международное соглашение с творогом, но он съел. Ася потом весь день говорила, что папа теперь "частично домашний".

— Можно спросить, — сказала я осторожно.

— Ты спросишь? — Ася высунулась из-под стола.

— Я не уверена, что у меня есть официальные полномочия вытаскивать вашего отца из кабинета к сырникам.

Марк отложил ручку.

— У тебя есть неофициальные.

— Какие?

— Ты единственная, кого он слушает, когда делает вид, что не слушает.

Я посмотрела на него.

— Это звучит как очень опасная должность.

— Она тебе подходит.

И вот так, без фанфар, без торжественной музыки и без объявления по дому, Марк Романович Ветров выдал мне комплимент. Конечно, завернул его в сарказм, чтобы никто не подумал, будто в его девятилетнем мире случилось доверие, но я всё равно услышала.

— Тогда я воспользуюсь полномочиями, — сказала я. — Но если ваш папа спросит, кто меня уполномочил, я укажу на Семёна.

— Семён не боится папу, — сообщила Ася. — У него ма-

ленькие лапы, но большая смелость.

— Надо ему зарплату повысить, — буркнул Марк.

— У Семёна зарплата печеньем, — сказала Ася. — Но он всё отдаёт мне. Потому что я его королева.

Я пошла к кабинету Романа с таким странным ощущением, будто направляюсь не за строгим взрослым к завтраку, а на переговоры между двумя эпохами. В первой эпохе дети жили по расписанию, а смех проходил почти как нарушение. Во второй — на кухне под столом сидела королева в жёлтом платье, Семён-динозавр был оплачиваемым сотрудником печеньевого сектора, а Марк говорил мне вещи, после которых хотелось одновременно улыбаться и делать вид, что ничего важного не произошло.

В доме пахло тёплым тестом, деревом и каким-то дорогим мужским спокойствием, которое Роман, кажется, распространял даже на стены. Я прошла мимо гостиной, где на диване лежал плед, сложенный неидеально. Инга Павловна видела это с утра и промолчала. Я не стала уточнять, переживает ли она внутренний кризис. У каждого человека должны быть свои тайны.

Дверь кабинета была приоткрыта.

Я уже подняла руку, чтобы постучать, когда услышала голос Романа.

— Нет, переносить нельзя. Пусть готовят документы к четырём. И скажите Климову: семейные вопросы не обсуждаются через помощников.

Я остановилась.

Не потому, что подслушивать хорошо. Подслушивать плохо. Особенно у дверей кабинета мужчины, который умеет открывать их в самый неподходящий момент и смотреть так, будто ты не просто стоишь в коридоре, а нарушаешь международный договор.

Но слова “семейные вопросы” приклеили меня к месту надёжнее любого регламента.

Роман говорил тихо, но в его голосе была та самая ровная сталь, которую я уже научилась отличать от обычной деловой сухости. Так он разговаривал, когда не хотел показывать, что ситуация задела его глубже, чем положено человеку в дорогом костюме.

— Письмо я видел, — сказал он. — Нет. Дети не должны узнать от посторонних. И тем более из сети.

Посторонние.

Сеть.

Дети.

Моя рука, поднятая для стука, медленно опустилась.

В этот момент дверь открылась.

Конечно.

Я никогда не верила в судьбу как в романтическую даму в длинном платье, которая расставляет людей по местам. Судьба в моей жизни чаще работала как усталая диспетчерша: “Так, Соколова, ты сейчас случайно услышишь то, чего не должна была, а потом сама разбирайся”.

Роман стоял на пороге с телефоном в руке.

Белая рубашка, тёмные брюки, собранный взгляд. Без пиджака он выглядел чуть менее недоступным, но это было обманчиво. Роман Ветров даже с закатанными рукавами мог внушить расписанию чувство вины за опоздание.

Он посмотрел на меня.

Я посмотрела на него.

— Я стучала мысленно, — сказала я.

— Громко?

— Достаточно, чтобы человек с хорошей интуицией открыл дверь.

Он выключил телефон и положил его экраном вниз на край стола.

— Вы давно здесь?

— Если вы спрашиваете как работодатель, то только что.

— А если как человек?

— Достаточно, чтобы понять: сырники, кажется, будут не главной новостью утра.

Роман молчал несколько секунд.

Именно этим он был опасен. Не словами. Не властью. Не тем, что умел смотреть так, будто видел всю твою смелость вместе с её слабой подкладкой. А паузами. В его паузах всегда было больше правды, чем в чужих длинных объяснениях.

— Дети на кухне? — спросил он.

— Ася переехала под стол. Марк делает вид, что его это не развлекает. Семён назначен финансово ответственным за

печенье.

— Понятно.

— Нет, Роман Андреевич. Вам не понятно. Это сложная семейная система.

Он чуть прищурился.

— Я собирался спуститься через пять минут.

— Через пять минут Ася может объявить подстолье независимым государством.

— Тогда нам стоит поторопиться.

Он вышел из кабинета, но я не сдвинулась.

— Роман.

Он остановился.

Я редко называла его просто по имени при детях или при Инге Павловне. У нас всё ещё была странная территория между “Роман Андреевич” и чем-то более личным, где каждый шаг звучал слишком громко. Но сейчас имя вышло само.

Он повернулся.

— Что произошло?

— После завтрака, — сказал он.

— Это ответ руководителя или отца?

На этот раз его взгляд стал жёстче.

— Вера.

— Я не прошу подробности при детях. Но если это касается Марка и Аси, мне нужно понимать хотя бы одно: им сейчас что-то угрожает?

Слово получилось резким. Не страшным. Не тем, от которого надо хвататься за спинку стула и драматично смотреть в окно. Но в нём было всё, чего я боялась в этом доме с первого дня: что однажды кто-то извне решит, будто детей можно передвигать по взрослым правилам, как мебель в идеально спланированной гостиной.

Роман посмотрел в сторону кухни, хотя отсюда её не было видно.

— Пока нет.

— "Пока" — ужасное слово. Его вообще стоит запретить в семейном использовании.

— После завтрака я всё объясню.

— Хорошо.

Я сказала это спокойно.

Даже почти убедительно.

Но он всё равно заметил.

— Вера, — произнёс он ниже. — Я не позволю никому причинить детям вред.

— Я знаю.

И это было правдой.

Я действительно знала.

Роман Ветров мог быть чрезмерно строгим, упрямым, невозможным, временами таким закрытым, что хотелось вручить ему инструкцию "Как разговаривать с живыми людьми без протокола". Но детей он защищал не для вида. Он просто слишком долго путал защиту с контролем.

Мы пошли на кухню вместе.

И, как обычно, стоило Роману появиться в дверях, дом на секунду собрался.

Не так, как раньше, когда все выпрямлялись от одного его шага. Сейчас просто внимание переключалось на него. Марк поднял голову, Ася высунулась из-под стола, Инга Павловна, которая как раз ставила на стол чайник, застыла на полсекунды дольше обычного.

— Папа! — Ася выползла из своего убежища с достоинством женщины, которую обстоятельства заставили жить под мебелью. — Ты будешь сырник?

Роман посмотрел на неё.

Потом на подушку под столом.

Потом на Семёна в салфетке.

— А почему сырник должен быть один?

Ася распахнула глаза.

Марк медленно закрыл тетрадь.

Инга Павловна поставила чайник так осторожно, будто Роман только что произнёс не вопрос о завтраке, а отказ от всех основ цивилизации.

Я тоже посмотрела на него.

— Что? — спросил Роман сухо.

— Ничего, — сказала я. — Просто фиксирую исторический момент: Роман Ветров сам потребовал добавки до первой порции.

— Я ничего не требовал.

— Вы поставили под сомнение ограничение сырников в единственном числе. Это уже шаг к свободомыслию.

Ася захлопала в ладоши.

— Папа свободомыслит!

— Ася, — сказал Роман.

— Что? Это хорошее слово. Вера его придумала?

— Нет, — сказал Марк. — Вера придумывает слова опаснее.

— Например?

— “Обсудим”.

Я рассмеялась.

Роман сел за стол рядом с Асей. Не во главе, не отдельно, не как проверяющий семейного завтрака. Рядом. И это всё ещё было маленьким чудом, к которому я не хотела привыкать слишком быстро, чтобы не перестать его замечать.

Инга Павловна поставила перед ним тарелку.

— Роман Андреевич, у вас через сорок минут звонок.

— Я помню.

— И встреча с юристами в одиннадцать.

Марк сразу посмотрел на отца.

Очень быстро.

Так смотрят дети, которые умеют вылавливать взрослую тревогу по одному лишнему слову.

— С юристами? — спросил он.

Роман взял вилку.

— Рабочий вопрос.

Марк не поверил.

Разумеется, не поверил. В девять лет он уже умел отличать рабочий вопрос от семейного так же уверенно, как отличал обычную тишину от той, в которой взрослые собираются что-то скрыть.

— У тебя все рабочие вопросы происходят в кабинете, — сказал он. — А сейчас ты выглядишь так, будто кабинет недостаточно крепкий.

Ася повернулась к брату.

— Кабинет может быть крепким?

— У папы — да.

— Марк, — произнёс Роман.

Голос был спокойный, но привычный механизм почти включился. Тот самый, где ребёнок задаёт неудобный вопрос, а взрослый закрывает дверь на внутренний замок.

Я увидела, как Марк сразу отодвинулся. Не телом — лицом. Только что он был с нами, а теперь спрятался за своим “мне всё равно”.

Роман тоже увидел.

И на этот раз не сделал вид, что ничего не произошло.

Он положил вилку.

— Это касается семьи, — сказал он.

Тишина стала другой.

Не испуганной. Внимательной.

Ася перестала резать сырник пластиковым ножом, которым, по её мнению, можно было “побеждать творог”. Марк

медленно поднял глаза. Инга Павловна даже не сделала попытки вмешаться, хотя я почти физически почувствовала, как её внутренний регламент просит слова.

— Нас? — спросила Ася.

— Да, — ответил Роман. — Но сейчас нет причин для паники.

— Когда взрослый говорит “нет причин для паники”, — заметил Марк, — это обычно значит, что причина уже стоит в прихожей и снимает пальто.

Я посмотрела на него с невольным уважением.

— Сильный образ.

— Спасибо. Я тренировался на папиных совещаниях.

Роман не улыбнулся.

Но и не остановил.

— После завтрака я поговорю с Верой, — сказал он. — Потом мы вместе решим, как объяснить вам всё спокойно.

— А почему сначала с Верой? — спросила Ася.

Вот он, детский вопрос, от которого взрослые начинают делать вид, что рассматривают салфетки.

Я почувствовала на себе взгляд Марка.

Инга Павловна очень заинтересовалась чайными чашками.

Роман посмотрел на меня.

И в этот момент я поняла, что за последние недели что-то изменилось не только в доме. Изменилось моё место в нём. Раньше я была человеком, который приходил утром и уходил

вечером. Потом — няней, которую дети ждали у окна. Потом — женщиной, которую Роман задерживал на кухне на пять минут, а эти пять минут почему-то могли длиться дольше любого разговора по расписанию.

А теперь Ася спрашивала, почему семейные вопросы сначала обсуждают со мной.

И никто не мог ответить просто.

— Потому что Вера помогает мне видеть то, что я иногда пропускаю, — сказал Роман.

Я замерла.

Нет, он не сделал признание. Не встал посреди кухни, не произнёс красивую речь, не превратился внезапно в героя, которому впору вручить букет и фонарный столб для романтической сцены.

Он сказал ровно.

Сухо.

Почти делово.

Но именно поэтому слова ударили сильнее.

Ася удовлетворённо кивнула, будто всё стало ясно.

— Тогда пусть Вера смотрит хорошо.

— Постараюсь, — сказала я.

Марк опустил взгляд в тарелку, но его плечи стали чуть менее напряжёнными.

Завтрак закончился без катастрофы, если не считать того, что Ася попыталась положить кусочек сырника Семёну, а Инга Павловна произнесла фразу “динозавры не едят тво-

рожное", после которой сама же, кажется, осознала, насколько далеко зашла новая жизнь этого дома.

Роман поднялся первым.

— Вера, когда дети уйдут наверх, зайдите в кабинет.

— Хорошо.

— Папа, — сказала Ася, — а Вера потом вернётся?

Он посмотрел на дочь.

— Конечно.

Вот это "конечно" было произнесено так уверенно, что я почему-то испугалась больше, чем если бы он промолчал.

Потому что люди вроде Романа Ветрова не говорили "конечно" там, где не могли проконтролировать реальность.

А реальность, как я уже успела убедиться, терпеть не могла, когда её контролируют.

Через десять минут дети поднялись наверх. Марк должен был собрать рюкзак, хотя до занятий было ещё время; Ася — переодеться, потому что жёлтое платье, по словам Инги Павловны, "не соответствовало дневному блоку". Ася спросила, можно ли дневному блоку самому переодеться, если он такой придирчивый. Я сделала вид, что кашляю. Инга Павловна сделала вид, что не слышит. Дом Ветровых продолжал развиваться.

В кабинет я шла уже без шуток в голове.

Это было редкое и неприятное состояние.

Обычно шутки появлялись сами. Они были моим способом держать равновесие, когда жизнь подсовывала мне

слишком дорогой холл, слишком холодного работодателя, слишком умных детей или слишком сильное желание задержаться там, где задерживаться опасно.

Но сейчас внутри было пусто.

Не страшно даже.

Просто очень ясно.

За дверью кабинета меня ждали не сырники и не спор о подушках. Там было что-то, что могло сдвинуть всю хрупкую конструкцию, которую мы собирали эти недели из смеха, завтраков, детских записок, неловких разговоров и Романовых попыток быть не только строгим.

Я постучала.

— Войдите.

Кабинет Романа был всё тем же: тёмное дерево, большой стол, папки, экран, книги, окно в сад. Только теперь я знала, что за этим окном дети однажды строили замок из подушек в доме, где раньше боялись лишнего шума. Знала, что в нижнем ящике стола Роман хранит рисунок Аси с островом, где взрослые не говорят “потом”. Он думал, что я не видела. Я видела. Просто промолчала. Иногда уважение к чужим тайникам важнее победы в споре.

Роман стоял у окна.

На столе лежал конверт.

Белый.

Плотный.

Слишком официальный, чтобы быть доброй новостью.

Рядом — несколько распечатанных листов, открытый ноутбук и телефон. Порядок на столе был безупречным, но в нём чувствовалась спешка. Одна папка лежала под углом. Для Романа Ветрова это почти равнялось крику.

— Садитесь, — сказал он.

— Когда вы говорите таким голосом, хочется стоять. Для мобильности.

— Вера.

— Поняла. Сажусь.

Я опустилась в кресло напротив стола. То самое кресло, где когда-то сидела на собеседовании с мокрым подолом и резюме, а он решал, достаточно ли я безопасна для его идеального режима. Теперь я сидела здесь как человек, которому он собирался доверить что-то семейное. Мир иногда разворачивается так резко, что хочется попросить его не делать движений без предупреждения.

Роман взял конверт.

— Сегодня утром пришло официальное уведомление от представителей Алисы.

Имя упало между нами так, будто в комнате открыли окно зимой.

Алиса.

Я слышала его нечасто.

Дети почти не говорили о матери. Не потому что им запрещали. Нет. В этом доме запреты обычно были видны сразу: они лежали на поверхности, ровные и подписанные. С Али-

сой всё было иначе. Её отсутствие чувствовалось как комната, дверь в которую давно закрыли, но из-под неё всё равно тянуло холодом.

Я знала только общее: бывшая жена Романа, мать Марка и Аси, много лет жила отдельно, появлялась редко, красиво и непредсказуемо, как дорогая открытка из места, куда детей не пригласили. Для Аси она была полусказкой с неправильным финалом. Для Марка — темой, которую он закрывал сарказмом быстрее, чем взрослые успевали подобрать мягкие слова. Для Романа — виной, о которой он не говорил, но носил её так, будто она была частью костюма.

— Что она хочет? — спросила я.

— Пересмотреть порядок участия в жизни детей.

— Пересмотреть — это как?

— Через семейное слушание. С возможностью временных ограничений моих единоличных решений.

Я посмотрела на него.

— То есть она хочет доказать, что вы не справляетесь?

— Формально — что детям необходима более сбалансированная семейная среда.

— Какая удобная формулировка. В неё можно завернуть что угодно и поставить бантик.

Роман положил листы передо мной.

Я не взяла их сразу.

— Она давно не была частью их ежедневной жизни, — сказал он. — Но сейчас у неё есть основания утверждать, что

ситуация изменилась.

— Какие основания?

Он нажал клавишу на ноутбуке и повернул экран ко мне.

Там была открыта страница с публикацией.

Фотография из школы.

Я сразу узнала этот день: благотворительная ярмарка, где Ася продавала кривые бумажные закладки, Марк делал вид, что ему стыдно за нас всех, а Роман впервые стоял за детским столом и пытался понять, почему клей оказывается на рукаве быстрее, чем на бумаге. Кто-то снял короткий момент: Ася тянет его за руку, я смеюсь, Марк стоит рядом, а Роман смотрит на меня не как на сотрудницу.

Вот именно это и было плохо.

На фото он смотрел так, как не должен смотреть мужчина на няню, если все вокруг хотят простых объяснений.

Заголовок был мерзко бодрым:

“Строгий миллиардер Ветров нашёл детям новую маму?”

Я закрыла глаза на секунду.

Не потому что было больно.

Просто чтобы не сказать вслух всё, что думаю о людях, которые превращают детей в наживку для чужого любопытства.

— Миллиардер? — спросила я, открывая глаза. — Они вообще проверяют факты или просто добавляют нули для красоты?

— Вера.

— Я стараюсь не комментировать главное, потому что главное хочется ударить сковородкой.

— Сковородка не поможет.

— Вы просто не пробовали правильную.

Он смотрел на меня серьёзно, но я заметила: напряжение в его лице стало чуть меньше. Ненамного. На толщину одного моего глупого ответа. Иногда этого хватало, чтобы человек снова начал дышать ровнее.

— Алиса утверждает, что дети вовлечены в публичную историю, которую я не контролирую, — сказал он. — Что в доме появилась посторонняя женщина с неопределённым статусом. Что отношения между взрослыми могут влиять на эмоциональную стабильность Марка и Аси.

— Посторонняя женщина, — повторила я.

Вот оно.

Слово, которое почему-то задело сильнее, чем должно было.

Посторонняя.

Я была человеком, который знал, где Ася прячет "важные камешки", почему Марк не любит, когда его спрашивают о школе прямо после возвращения, как Роман пьёт чай, когда устал, и что Инга Павловна однажды улыбнулась плюшевому зайцу, думая, что никто не видит.

Но формально Алиса была права.

Я не была им родственницей.

Не была женой.

Не была матерью.

Я была Верой Соколовой, женщиной, которую однажды наняли на испытательный срок, а потом забыли объяснить сердцу, что испытательный срок закончился.

— Вы не посторонняя, — сказал Роман.

Я подняла на него глаза.

Он произнёс это быстро. Почти резко. Так, будто сам не ожидал, что ответит раньше, чем подберёт безопасную формулировку.

— Для документов — посторонняя, — сказала я мягче. — Для людей — нет. Но документы, к сожалению, не умеют смотреть, как Ася засыпает, если ей обещали сказку про Семёна.

Роман провёл рукой по краю стола и остановился.

Пальцы легли ровно.

Слишком ровно.

— Поэтому я вызвал юристов.

— И что они предлагают?

Он молчал.

Я сразу поняла: ничего хорошего.

— Роман.

— Официально закрепить ваш статус в доме.

— Как няни?

— Нет.

— Как семейного сопровождающего?

— Это первый вариант.

— Звучит так, будто меня можно будет найти в приложении к инструкции для холодильника.

— Вера.

— Простите. Нервничаю.

Он обошёл стол и сел напротив, не за столом, а в кресло рядом. Это было необычно. Роман всегда выбирал позицию, где между ним и человеком была поверхность: стол, документ, правило, расстояние. Сейчас стола между нами не было.

И от этого мне стало совсем не по себе.

— Первый вариант слабый, — сказал он. — Он подтверждает, что вы работаете с детьми, но не снимает главный аргумент Алисы: вы не часть семьи.

Я заставила себя улыбнуться.

— Ну, технически Семён тоже не часть семьи, но попробуйте сказать это Асе.

— Я говорю серьёзно.

— Я тоже. Просто у меня серьёзность выходит с побочными эффектами в виде шуток.

Он посмотрел на мои руки.

Я только тогда заметила, что сжимаю край сумки.

— Есть второй вариант, — сказал Роман.

— Мне уже не нравится, как вы строите предложения.

— Нам нужен контракт.

Я выдохнула.

Даже почти рассмеялась.

— Контракт? Конечно. Куда же без него. В вашем доме даже подушки, кажется, лежат на основании устного соглашения.

— Не такой контракт.

— А какой? Новый договор? Расширенные обязанности? Официальный статус? "Вера Соколова, ответственная за детский смех, семейную нестабильность и динозавровую дипломатию"?

Он не улыбнулся.

И вот тогда смешное во мне закончилось.

Совсем.

Роман смотрел прямо. Спокойно. Но под этой спокойной поверхностью было такое напряжение, что я вдруг увидела не босса, не строгого папу, не мужчину, который привык решать чужие проблемы одним звонком. Я увидела отца, у которого кто-то попытался забрать право быть рядом с детьми. И человека, который не умел просить, поэтому снова собирался оформить просьбу так, чтобы она выглядела как решение.

— Юристы считают, — произнёс он, — что самый сильный способ показать стабильность семьи — это официально обозначить наши отношения.

Я долго смотрела на него.

— Наши отношения?

— Да.

— Роман Андреевич, вы сейчас вступаете на очень тонкий

лёд. Причём в дорогих ботинках и без страховки.

— Я понимаю.

— Нет. Не уверена, что понимаете.

— Вера, я предлагаю вам стать моей невестой.

И вот тут я действительно рассмеялась.

Не потому что было смешно.

А потому что мой мозг, видимо, решил, что это единственный доступный способ не уронить себя с кресла.

Смех получился короткий, нервный, совершенно неуместный. Роман смотрел на меня так, будто заранее ожидал любой реакции, кроме этой. Хотя, честно говоря, он сам виноват. Нельзя предлагать женщине фиктивную помолвку голосом человека, который обсуждает замену штор в гостиной.

— Простите, — сказала я, прижимая ладонь к губам. — Вы просто произнесли это так, будто предлагаете мне взять дополнительную смену в четверг.

— Я понимаю, как это звучит.

— Нет, Роман. Вы не понимаете. Вы только что сказали: "Станьте моей невестой" с выражением лица "подпишите здесь и здесь".

— Это не романтическое предложение.

— Заметно.

— Это юридический и семейный шаг.

— Ещё лучше. Я всегда мечтала, чтобы меня позвали замуж из-за юридического шага. Очень женственно. Очень

волнительно. Где тут у вас занавес, чтобы я могла драматично в него завернуться?

Он встал.

— Я не зову вас замуж.

— Вы только что употребили слово “невеста”.

— Временный публичный статус.

— Ах, временный. Тогда всё нормально. Я временно надену кольцо, временно буду улыбаться, временно объясню детям, что взрослые опять придумали красивую ложь для их же спокойствия.

— Детям мы не будем лгать.

— А что скажем? Что папа подписал маму по контракту?

Слова вылетели раньше, чем я успела их остановить.

И повисли между нами.

Мама.

По контракту.

Роман замер.

Я тоже.

В кабинете стало тихо так, что даже сад за окном будто отошёл подальше, чтобы не мешать нашей катастрофе.

— Я не говорил о маме, — сказал Роман медленно.

— Но Ася скажет.

Он отвёл взгляд.

И это было хуже любого ответа.

Потому что он знал.

Конечно, знал. Он мог не понимать половину детских

эмоций сразу, мог путаться в том, где граница между заботой и контролем, мог смотреть на подушечный замок как на нарушение строительных норм. Но он не был слепым. Он видел, как Ася тянется ко мне. Как Марк проверяет, останусь ли я. Как этот дом уже впустил меня туда, куда, возможно, не стоило впускать человека без права остаться.

— Я не хочу использовать их чувства, — сказал он.

— Но это предложение их касается.

— Именно поэтому я говорю сначала с вами.

— А со мной что? Меня можно использовать?

Он резко посмотрел на меня.

— Нет.

Слишком быстро.

Слишком твёрдо.

Я встала, потому что сидеть больше не могла. Мне нужно было двигаться, иначе мысли начинали толкаться внутри, как дети перед дверью в игровую.

— Давайте уточним. Алиса начинает семейный спор. Вам нужно показать, что у детей стабильная среда. Для этого вы хотите, чтобы я стала вашей фиктивной невестой. На время. По договору. Без настоящих обещаний, но с публичной картинкой. Правильно?

— Не совсем.

— Прекрасно. Есть ещё хуже?

— Да.

Я остановилась.

— Роман, сейчас был не тот момент, когда нужно отвечать честно.

Он подошёл к столу, взял один из листов, но не протянул мне. Просто держал.

— Если слушание затянется, статус невесты может оказаться недостаточным. Вторая рекомендация — оформить брак.

Я посмотрела на него.

И в этот раз не рассмеялась.

Смех не пришёл.

Вообще ничего не пришло.

Только холодное понимание, что вот она — та самая точка, где романтическая комедия внезапно снимает туфли и становится взрослой историей, в которой у детей есть страхи, у мужчин — ошибки, у женщин — границы, а у слова "семья" слишком высокая цена.

— Брак, — сказала я.

— Фиктивный.

— Вы произносите это так, будто "фиктивный" делает слово легче.

— Я бы обеспечил вашу защиту. Условия. Финансовую независимость. Полную юридическую прозрачность. Вы не потеряете работу, жильё, свободу решений. Я не потребую от вас ничего личного.

Я подняла руку.

— Остановитесь.

Он замолчал.

— Вот сейчас вы сделали именно то, что умеете лучше всего, — сказала я. — Превратили живой ужас в список гарантий.

— Я пытаюсь предложить вам безопасность.

— А я слышу, что вы предлагаете мне стать частью схемы.

— Это не схема.

— Тогда что?

Он сжал лист.

Бумага тихо хрустнула.

Для Романа это было почти бурей.

— Попытка не потерять детей.

Вот теперь я замолчала.

Потому что с этим спорить было нельзя.

Можно было злиться на форму. На контракт. На эту ужасную деловую подачу, от которой любое женское достоинство начинало искать тяжёлый предмет. Можно было возмущаться тем, что меня поставили перед фактом, что моё место в этой семье вдруг решили измерить документами. Можно было напомнить ему, что дети — не аргумент в сделке.

Но я видела его лицо.

И понимала: Роман Ветров не торговался.

Он боялся.

Просто у него страх выглядел как юридическая стратегия.

Я подошла к окну и посмотрела в сад. Там под деревом стояла маленькая деревянная скамейка. Ася однажды заяви-

ла, что это место для “важных разговоров, которые взрослые всё равно портят”. Марк сказал, что взрослые портят не разговоры, а статистику хороших решений. Роман тогда сделал вид, что не слышит, но через день на скамейке появился мягкий плед.

Он не умел просто сказать: “Я услышал”.

Он покупал плед.

— А что говорит Алиса? — спросила я тише.

— Что дети стали частью публичного хаоса. Что я допустил эмоциональную зависимость от сотрудницы. Что Марк замкнут, Ася слишком привязчива, а домом фактически управляет чужой человек.

— Чужой человек — это я?

— В её формулировке.

— А в вашей?

Он подошёл ближе.

Не вплотную.

Роман вообще был мастером дистанции. Но теперь эта дистанция была не холодной, а осторожной.

— В моей — вы человек, без которого этот дом снова станет тише.

Я закрыла глаза.

Ненадолго.

Просто чтобы эти слова не попали сразу туда, куда им не следовало попадать без проверки документов.

— Так нечестно, — сказала я.

— Я знаю.

— Нет, не знаете. Вы говорите мне такое после предложения о фиктивном браке. Это запрещённый приём.

— Я не умею иначе.

Я повернулась к нему.

Вот оно.

Маленькое. Неловкое. Почти злое признание.

Не “я всё сделаю правильно”.

Не “доверьтесь мне”.

Не “я контролирую ситуацию”.

А просто: не умею иначе.

И почему-то именно это сбило меня сильнее всего.

— Тогда учитесь, — сказала я. — Потому что если вы хотите, чтобы я хотя бы рассмотрела этот безумный вариант, между нами не может быть только контракт.

Он внимательно смотрел на меня.

— Что вы хотите?

— Правду. Не юридическую. Человеческую.

— Хорошо.

— Зачем вам это на самом деле?

— Я сказал.

— Нет. Вы сказали про детей. Это правда, но не вся.

Он молчал долго.

В этом молчании не было игры. Он словно искал в себе слова, которые не привык доставать при свидетелях. Даже при одном свидетеле. Даже если этот свидетель уже видел

его с сырником в руке и пластилином на рукаве.

— Потому что, если Алиса добьётся своего, — сказал он наконец, — дети снова окажутся внутри взрослого конфликта, который они не выбирали. Марк решит, что должен защищать Асю. Ася решит, что любовь — это когда кто-то приходит и уходит. Я уже однажды не смог сделать так, чтобы их семья осталась целой.

— Роман…

— И потому что вы правы. Они привязались к вам. Я тоже это допустил.

— Допустили?

Он посмотрел на меня.

— Нет. Не так.

Я ждала.

Он выдохнул.

— Я тоже привязался.

Вот это было уже опасно.

Не красиво.

Не гладко.

Не так, как пишут в поздравительных открытках.

Но в голосе Романа было столько сдержанного усилия, что я вдруг почувствовала: ему проще было бы подписать десять сложных договоров, провести пять тяжёлых переговоров и лично переставить весь дом по сантиметру, чем произнести эту фразу.

— Вы понимаете, что это не делает предложение легче?

— спросила я.

— Да.

— Роман, если мы согласимся на фиктивный статус, дети начнут надеяться.

— Я знаю.

— Если мы не согласимся, они могут пострадать от этого спора.

— Я знаю.

— Если мы согласимся и не справимся, будет хуже.

— Я знаю.

— Прекратите всё знать. Это раздражает.

Он почти улыбнулся.

Почти.

Но не успел.

За дверью что-то тихо скрипнуло.

Мы оба повернулись.

Роман шагнул к двери быстрее меня и открыл её.

В коридоре стояла Ася.

В жёлтом платье, которое всё ещё не соответствовало дневному блоку, с Семёном-динозавром под мышкой и огромными глазами человека, который услышал ровно столько, чтобы неправильно понять всё самое важное.

За её спиной, на пару шагов дальше, стоял Марк.

Он не прятался.

Просто смотрел.

И от этого было хуже.

Ася перевела взгляд с отца на меня.

Потом обратно.

— Вера теперь будет нашей мамой? — спросила она.

Голос у неё был радостный.

Слишком радостный.

Так радуются дети, которые ещё не знают, что взрослые умеют делать даже счастье сложным.

Я почувствовала, как Роман замер рядом.

Марк не сказал ни слова, но его лицо закрылось так быстро, что я почти услышала щелчок.

Ася прижала Семёна к груди.

— По-настоящему? — добавила она.

И вот тогда я поняла: контракт ещё даже не был подписан.

А цена уже пришла.

Мама не входит в должностную инструкцию

На свете есть вопросы, на которые нельзя отвечать быстро.

Например: “Ты разбила мамину вазу?”, если тебе семь лет, а в руках ещё остался осколок.

Или: “Вы принимаете наши условия?”, если напротив сидит человек в дорогом костюме и держит договор толщиной с небольшую повесть о человеческой наивности.

Или вот так:

— Вера теперь будет нашей мамой? По-настоящему?

Ася смотрела на меня так, будто я держала в руках не ответ, а целый мир, который можно либо подарить ей сразу, либо уронить на пол.

Семён-динозавр торчал у неё под мышкой, жёлтое платье всё ещё мужественно не соответствовало дневному блоку, Марк стоял на два шага позади и делал вид, что его это вообще не касается. Получалось плохо. У Марка “не касается” всегда выглядело слишком напряжённо, как дверь, которую захлопнули, но забыли проверить замок.

Роман стоял рядом со мной.

Я почти физически почувствовала, как в нём собирается привычная реакция: взять ситуацию, выровнять, назвать

правильно, разложить по пунктам, убрать лишние эмоции, закрыть тему до тех пор, пока взрослые не подготовят безопасный ответ.

Только Ася не была темой.

Марк не был пунктом.

А я не была строкой в договоре, даже если на столе у Романа уже наверняка лежали документы, которые пытались доказать обратное.

— Ася, — начал он.

Я подняла руку.

Не резко. Просто чуть коснулась его рукава.

Он замолчал.

Это было маленькое движение. Почти незаметное. Но Марк увидел. Ася увидела. И, кажется, даже Семён, если бы его пластмассовые глаза умели выражать историческую важность, сейчас бы это сделал.

Роман Ветров позволил себя остановить.

Без спора.

Без ледяного взгляда.

Без фразы “Вера, я сам”.

Дом, возможно, в этот момент едва слышно сдвинулся ещё на миллиметр в сторону нормальной семьи.

Я присела перед Асей, чтобы не смотреть на неё сверху вниз. Это был один из тех простых взрослым жестов, которые дети считывают лучше любых речей. Когда взрослый опускается рядом, а не нависает, у ребёнка появляется шанс

не чувствовать себя маленьким перед большой бедой.

— Солнце, — сказала я, — мы с папой говорили о сложных взрослых делах.

— Про маму? — спросила она сразу.

Марк чуть повернул голову к окну.

Роман напрягся.

Я выбрала слова осторожно. Так осторожно, будто шла босиком по полу, где могли быть осколки.

— Про то, как сделать так, чтобы вы с Марком были спокойны и чтобы никто не решал за вас, где вам лучше.

Ася нахмурилась.

— Мы лучше здесь.

— Я знаю.

— И Марк знает.

— Я тоже это подозреваю, — сказала я.

— Я не “подозреваю”, — буркнул Марк. — Я это утверждаю.

Его голос прозвучал сухо, почти по-взрослому. Но в нём была тонкая, едва заметная злость. Не на меня. Не на Асю. На взрослых вообще. На нас всех, стоящих в коридоре с нашими тайнами, письмами, разговорами за закрытыми дверями и привычкой решать главное шёпотом.

— Хорошо, — сказала я. — Тогда у нас уже есть позиция старшего аналитика семьи.

— Я не аналитик.

— А кто?

— Человек, который не любит, когда ему врут.

Вот теперь шутки стало мало.

Совсем мало.

Роман посмотрел на сына. Не строго. Не с тем привычным выражением, от которого раньше в доме выпрямлялись даже карандаши. Он посмотрел так, будто хотел что-то сказать и не знал, как это сделать, не сломав момент.

— Марк, — произнёс он, — тебе никто не собирается врать.

— Тогда скажи прямо. Вера будет нашей мамой?

Ася прижала Семёна крепче.

Я встала медленно.

Не потому, что хотела казаться спокойной. Просто если бы я сделала резкое движение, внутри меня, кажется, что-нибудь рассыпалось бы очень громко.

— Нет, — сказала я.

Ася моргнула.

Марк посмотрел на меня, и на его лице одновременно мелькнули облегчение, обида и что-то ещё, очень похожее на “ну конечно”.

Роман не вмешался.

— Я не буду вашей мамой только потому, что взрослым понадобилось красивое слово, — продолжила я. — Мама — это не должность, не подпись и не бумага. Её нельзя выдать по расписанию или назначить на семейном совещании.

Ася опустила взгляд на Семёна.

— Но ты же можешь быть… нашей?

Вот оно.

Не “мамой”.

Нашей.

Это слово оказалось тяжелее всех официальных формулировок Романа. “Невеста”, “статус”, “семейная среда”, “контракт” — всё это были взрослые коробки. А “нашей” было живым, маленьким, упрямым и беззащитным.

Я присела снова.

— Я уже ваша, Ась.

Она подняла глаза.

— Правда?

— Правда. Я ваша Вера. Та самая, которая спорит с вашим папой, защищает Семёна от контейнера, умеет договариваться с буквами и знает, что под столом иногда живут королевы в творческом отпуске.

Ася слушала очень внимательно.

— Но “мама” пока нельзя?

Я почувствовала, как у Романа рядом изменилось дыхание. Не громко. Просто он перестал быть каменным на одну секунду.

— “Мама” — это слово, которое должно прийти само, если когда-нибудь захочет, — сказала я. — Его нельзя заставлять. И нельзя обещать просто потому, что взрослым страшно.

Марк вдруг хмыкнул.

— Взрослым всегда страшно. Просто они делают вид, что у них совещание.

— Это, к сожалению, правда, — сказала я.

Роман повернул голову к сыну.

— Мне страшно.

Марк замер.

Ася открыла рот.

Я тоже, честно говоря, чуть не открыла.

Потому что Роман Ветров только что произнёс это в коридоре собственного дома при детях, при мне и при Семёне-динозавре, который, возможно, теперь имел право считать себя свидетелем семейного прорыва.

Роман не смягчил фразу. Не добавил “но всё под контролем”. Не превратил страх в план действий. Просто сказал как есть.

— Мне страшно, что кто-то попытается решить за вас, как вам жить, — продолжил он. — И я не хочу закрывать от вас всё, что происходит. Но я также не хочу пугать вас раньше, чем сам разберусь, что именно нам нужно делать.

Марк смотрел на отца настороженно. Так смотрят дети, которые слишком привыкли к ровным взрослым ответам и теперь не знают, можно ли доверять неровному.

— А Вера? — спросил он.

Роман посмотрел на меня.

— Вера сама решит, какую роль она готова занять рядом с нами. Без давления.

Я почти не дышала.

Потому что это тоже было новое.

Не “я предлагаю условия”.

Не “я обеспечу гарантии”.

А “сама решит”.

Я бы даже гордилась им, если бы не знала, что через полчаса он, скорее всего, снова попытается положить мне на стол договор и объяснить его так, будто речь идёт о покупке принтера.

— А если она решит уйти? — спросил Марк.

Ася тут же вцепилась в Семёна так, будто динозавр мог удержать меня за ногу.

— Я сейчас никуда не ухожу, — сказала я.

— Сейчас, — повторил Марк.

Да, этот мальчик умел слышать самые опасные слова.

Я подошла к нему ближе.

Он не отступил, но подбородок поднял. Маленький упрямый мужчина в домашней футболке, который стоял на страже своей сестры и собственного сердца, хотя ни за что бы не признался, что оно у него вообще участвует в процессе.

— Марк, я не могу обещать того, чего ещё не понимаю сама, — сказала я. — Но я могу обещать другое: если мне понадобится уйти, я не исчезну молча. Не сбегу. Не сделаю вид, что мне всё равно. Я скажу вам правду.

— Взрослая правда обычно с дырками, — сказал он.

— Моя будет с заплатками, если понадобится. Но не с

дырками.

Он смотрел на меня долго.

Потом кивнул.

Один раз.

Это был не мирный договор, но хотя бы прекращение огня.

Ася переместилась ко мне и прижалась боком. Не обняла — просто встала так близко, что моё плечо стало для неё стеной. Маленькой, тёплой и очень нужной. Я положила ладонь ей на спину.

— А теперь, — сказала я, стараясь вернуть голосу хоть немного обычной Веры, — предлагаю всем участникам коридорного собрания сделать вид, что мы не превратили утро в взрослый драматический кружок.

— У нас есть драматический кружок? — оживилась Ася.

— Только неофициальный.

— Я хочу главную роль.

— Ты уже её взяла, — сказал Марк.

— Правда?

— Да. Ты подслушала самое важное и задала вопрос, от которого взрослые чуть не развалились. Это сильный дебют.

Ася явно не до конца поняла, но осталась довольна.

В этот момент из-за поворота появилась Инга Павловна.

Она шла быстро, но не бегом. Инга Павловна, кажется, даже при пожарной тревоге двигалась бы с достоинством женщины, которая заранее согласовала эвакуационный маршрут

с ковром. Увидев нас всех у кабинета, она остановилась.

— Ася, Марк, вы должны были быть наверху.

— Мы были почти наверху, — сказала Ася. — Но потом услышали, что Вера может стать мамой, и пришли уточнить.

Лицо Инги Павловны осталось почти неподвижным.

Почти.

Я бы не заметила, если бы не прожила в этом доме достаточно, чтобы понимать: когда у неё на одну миллиметровую долю поднимается правая бровь, внутри происходит крушение маленького порядка.

— Понимаю, — сказала она после паузы.

Марк фыркнул.

— Нет, не понимаете.

— Марк, — произнёс Роман.

— А что? Никто не понимает. Все только делают лица.

— Я тоже делаю лицо? — спросила Ася.

— У тебя получается лучше всех.

— Спасибо.

Инга Павловна перевела взгляд на меня. В нём было что-то вроде строгого вопроса, заботы и тихого “что вы опять сделали с домом”.

— Дети должны продолжить утренний блок, — сказала она.

— Сейчас, — ответила я. — Только без блока. Просто переодеться, собрать вещи и выбрать, кто сегодня отвечает за Семёна.

— Семён остаётся в игровой.

— Семён, — торжественно сказала Ася, — сегодня отвечает за моральное спокойствие.

— Динозавры не отвечают за моральное спокойствие, — автоматически произнесла Инга Павловна.

Пауза.

Марк медленно повернулся к ней.

— Инга Павловна, вы сейчас обсуждаете обязанности динозавра. Дом изменился.

Она посмотрела на него так, будто хотела возразить, но не нашла подходящего раздела в регламенте.

— Наверх, — сказала она наконец.

Ася нехотя отпустила меня.

— Ты потом придёшь?

— Приду.

— В комнату?

— Да.

— И мы поговорим?

— Да.

— И не как взрослые?

— Постараюсь говорить как человек.

Ася кивнула, но всё равно посмотрела на Романа.

— Папа, а ты не будешь заставлять Веру быть мамой?

Роман присел перед дочерью.

Редко.

Неуклюже.

Так, будто это движение он ещё не до конца освоил, но уже понимал, что оно важно.

— Нет, — сказал он. — Не буду.

— Даже если тебе страшно?

Он помолчал.

— Даже если мне страшно.

Ася удовлетворённо приложила Семёна к его плечу.

— Тогда Семён тебе доверяет.

— Спасибо, — сказал Роман очень серьёзно.

— Но он будет проверять.

— Это ожидаемо.

Марк развернулся и пошёл к лестнице первым.

— Пойдём, Ася. Пока папа не начал подписывать доверие в трёх экземплярах.

— А доверие можно подписать? — спросила Ася, догоняя его.

— У папы — можно всё подписать.

— А смех?

— Вера пока не разрешает.

Я проводила их взглядом.

Когда дети скрылись наверху вместе с Ингой Павловной, коридор снова стал слишком большим. Только теперь в нём остались не тайны, а последствия. Они всегда тяжелее.

Роман выпрямился.

— Спасибо.

Я повернулась к нему.

— За что именно? За то, что я не устроила вам семейный суд прямо на ковре?

— За то, что не соврали.

— Детям?

— Всем нам.

Вот так у него иногда получалось.

Сначала он мог довести меня до состояния, в котором хотелось выйти в сад и спорить с деревьями, лишь бы не с ним. А потом произносил короткую фразу, и я снова вспоминала, почему всё ещё стою в этом доме.

— Роман, — сказала я, — нам нужно поговорить. Очень неприятно, очень подробно и без ваших любимых формулировок “я всё предусмотрел”.

— Я не всё предусмотрел.

— Уже прогресс.

— Но многое.

— Роман.

— Понял.

Мы вернулись в кабинет.

И я сразу ощутила, как меняется атмосфера. В коридоре мы были людьми, застигнутыми детским вопросом. В кабинете снова появились стол, документы, конверт, экран, папки и эта опасная иллюзия, что жизнь можно упорядочить, если подобрать достаточно плотную бумагу.

Я не села.

Роман заметил.

— Вы собираетесь говорить стоя?

— Да. Так меньше шансов, что меня случайно оформят приложением к договору.

— Вера.

— Нет, теперь слушаете вы.

Он молча закрыл папку.

Это было настолько разумно с его стороны, что я на секунду сбилась.

— Хорошо, — сказала я. — Начнём с главного. Я не буду декорацией.

— Я не предлагаю вам быть декорацией.

— Предлагаете. Просто называете это иначе. Публичный статус, семейная стабильность, линия защиты, рекомендации юристов. Всё это звучит так, будто меня нужно поставить рядом с вами в правильном платье, дать детям в руки рисунки, а дому — приличную историю для чужих глаз.

— Это не так.

— Тогда докажите.

Он сел на край стола, что было настолько не по-романовски, что я почти отвлеклась. Роман Ветров на краю стола выглядел как человек, который нарушил собственный внутренний регламент и пока сам не понял, будет ли за это наказание.

— Говорите, — сказал он.

— Первое. Никаких постановочных семейных сцен в доме. Ни для фото, ни для гостей, ни для ваших юристов, ни

для людей, которые считают, что чужие дети — удобный аргумент.

— Согласен.

Я моргнула.

— Так быстро?

— Вы правы.

— Не делайте так.

— Как?

— Не соглашайтесь сразу. Я теряю темп.

В его взгляде мелькнуло что-то живое.

— Записать это как второе условие?

— Не смейте.

Он взял чистый лист и ручку.

— Я всё равно запишу. Чтобы не пропустить.

— Роман, это не деловое совещание.

— Для меня так проще не ошибиться.

Я уже открыла рот, чтобы возразить, но закрыла.

Потому что в этом был весь он.

Не романтический герой, который внезапно научился чувствовать правильно. Не идеальный мужчина, который просто берёт за руку и говорит: “Доверься мне”. Нет. Роман Ветров сидел на краю стола и записывал мои условия, потому что боялся снова превратить меня в часть своего решения.

Может быть, это и было его “я стараюсь”.

Кривое.

Сухое.

С ручкой в руке.

— Ладно, — сказала я. — Записывайте. Но без заголовка “Список требований Соколовой”.

— А как?

— “Как не разрушить всё окончательно”.

Он записал.

Я уставилась на лист.

— Вы серьёзно?

— Да.

— Вы сейчас поставили официальный заголовок “Как не разрушить всё окончательно”?

— Вы же сказали.

— Роман, иногда мои слова не надо протоколировать.

— Тогда уточняйте заранее.

И вот тут я не выдержала.

Улыбнулась.

Очень не вовремя.

Он тоже почти улыбнулся, но быстро спрятал это в уголке губ. Прежний Роман, наверное, вообще сделал бы вид, что юмор в кабинете запрещён. Этот хотя бы пытался не выглядеть человеком, которого застали за незаконным человечностью.

— Второе, — продолжила я. — Никаких фальшивых обещаний детям. Особенно Асе. Она уже услышала слово “мама”. Мы больше не имеем права играть в полуправду.

— Согласен.

— Третье. Марку нельзя говорить “ты всё поймёшь, когда вырастешь”. Он уже понимает слишком много. Если он задаёт вопрос, мы отвечаем по возрасту, но честно.

Роман записал медленнее.

— Сложно, — сказал он.

— Да.

— Он будет задавать вопросы, на которые я сам не знаю ответа.

— Тогда так и говорите.

— “Я не знаю”?

— Да.

— Это плохая позиция для отца.

— Это честная позиция для человека.

Он посмотрел на лист, потом на меня.

— Хорошо.

— Четвёртое. Не покупайте моё согласие.

Его рука остановилась.

— Я не собирался.

— Собирались. Не специально. У вас это просто встроенная функция.

— Вера.

— Нет, правда. Вы начинаете перечислять защиту, выплаты, условия, свободу, независимость. И всё вроде правильно. Но в какой-то момент я перестаю быть женщиной, которой делают невозможное предложение, и становлюсь проектом с

бюджетом.

Он отложил ручку.

— Я хотел, чтобы вы не чувствовали себя уязвимой.

— А я почувствовала себя оцениваемой.

— Это не было моей целью.

— Я знаю. Но получилось так.

Роман встал.

Медленно, как будто ему нужно было удержать внутри сразу несколько ответов и выбрать тот, который не ранит ещё сильнее.

— Тогда сформулирую иначе, — сказал он. — Я не покупаю ваше согласие. И не считаю, что могу компенсировать деньгами ваше участие в моей семейной ситуации. Но если из-за меня вы окажетесь под давлением, публичным или юридическим, я обязан сделать так, чтобы вы не остались одна против этого.

Я смотрела на него.

— Вот это уже лучше.

— Записать?

— Только попробуйте.

Он всё равно записал коротко: “Вера не одна”.

У меня внутри что-то предательски потеплело.

Я отвернулась к окну.

— Вы невозможный человек.

— Взаимно.

— Это был комплимент?

— Почти.

— У вас ужасная техника комплиментов.

— Я работаю над этим.

— Медленно.

— Зато стабильно.

Я снова посмотрела на него и поняла, что опасность этого разговора была вовсе не в контракте. Не в Алисе. Не в семейном слушании, которое маячило впереди тяжёлой взрослой тенью.

Опасность была в том, что Роман учился.

Плохо, неровно, с ошибками, с попытками записать чувства в пункты, но учился. А я, кажется, начинала верить в этот процесс сильнее, чем разумная женщина должна верить мужчине, который полчаса назад предложил ей стать фиктивной невестой.

— Пятое, — сказала я, возвращая себе здравый смысл. — Я не буду врать окружающим о любви.

Он поднял глаза.

— Что именно вы имеете в виду?

— Если кто-то спросит, почему я рядом, я не буду изображать счастливую невесту, которая вчера выбирала салфетки для свадьбы, а сегодня случайно вспомнила, что у неё есть жених. Я могу сказать, что мы близки. Что я важна детям. Что вы важны мне.

Последнее вышло тише, чем я планировала.

Роман не перебил.

Не спас меня от неловкости.

Просто услышал.

— Но, — продолжила я уже твёрже, — я не буду играть любовь на публику. Если между нами что-то есть, оно не для чужих глаз.

Он долго молчал.

— А между нами что-то есть?

Вот за это мужчин надо лишать права задавать вопросы без предварительного уведомления.

Особенно таких мужчин, как Роман Ветров, которые могли произнести фразу спокойно, а смотреть так, будто от ответа зависит не только договор, но и то, куда встанет солнце.

Я скрестила руки на груди.

— Сейчас между нами есть дети в сложной ситуации, бывшая жена с претензиями, документы на столе и ваша потрясающая способность задавать личные вопросы в кабинете.

— Вы уходите от ответа.

— Я элегантно сохраняю остатки достоинства.

— Получается не очень.

— Зато честно.

Он сделал шаг ближе.

Не слишком.

Роман всё ещё умел оставлять мне пространство. И это, пожалуй, было самым опасным из всех его новых навыков. Когда мужчина давит, проще сопротивляться. Когда даёт тебе возможность отступить — сложнее не сделать шаг на-

встречу.

— Я не прошу вас играть любовь, — сказал он. — И не хочу выставлять напоказ то, что происходит между нами.

— А что происходит?

Он почти сразу ответил:

— Я не знаю, как это правильно назвать.

Я сглотнула.

Слова были неловкие. Совершенно не книжные. Без блеска, без мужской уверенности, без красивой формулы, которую можно было бы потом вспоминать у окна.

Но они были честные.

А честность в исполнении Романа иногда действовала сильнее любых признаний.

— Тогда пока не называйте, — сказала я. — А то вы назовёте это временным эмоциональным обстоятельством.

— Я бы не стал.

— Роман.

— Хорошо. Возможно, стал бы.

Я улыбнулась.

Он тоже.

На этот раз не почти.

На секунду — по-настоящему.

И в этот момент дверь кабинета резко распахнулась.

— Я всё понял, — заявил Марк.

Разумеется.

Потому что в доме, где взрослые пытаются говорить о

сложном, дети всегда появляются в момент, когда сложное становится особенно уязвимым.

Марк стоял на пороге, переодетый, с рюкзаком на одном плече и лицом человека, который пришёл не просить разрешения, а предъявлять заключение экспертной комиссии.

За его спиной маячила Ася с листом бумаги, цветными карандашами и видом художника, который уже всё решил за всех.

Инга Павловна стояла чуть дальше. По лицу было видно, что она пыталась остановить эту делегацию, но делегация использовала скорость, эмоциональный напор и, возможно, Семёна как прикрытие.

— Марк, — сказал Роман, — мы говорили, что дети поднимаются наверх.

— Мы поднимались, — ответил Марк. — Потом спустились. Маршрут выполнен.

— Это не так работает.

— У нас семейная демократия? Или пока только семейный контракт?

Я закрыла глаза.

Не помогло.

Когда открыла, Роман смотрел на сына так, будто одновременно хотел отчитать его, обнять и запросить у жизни инструкцию, как совмещать первое и второе без катастрофы.

— Мы ещё ничего не решили, — сказал он.

— А вы обычно решаете до того, как кто-нибудь успевает

возразить.

Попал.

Причём точно.

Я даже увидела, как Роман внутренне принял удар. Не отбил. Не ушёл в строгость. Принял.

— Ты прав, — сказал он.

Марк явно не был к этому готов.

— Что?

— Ты прав. Обычно я так делаю.

Ася восторженно ахнула:

— Папа признал!

— Не мешай, — сказал Марк, не сводя глаз с отца.

— Но это же редкое!

— Поэтому и не мешай.

Я прикусила губу, чтобы не улыбнуться. Инга Павловна за дверью сделала вид, что рассматривает стену, но мне показалось, что уголок её рта подозрительно дрогнул.

— В этот раз я не буду решать один, — сказал Роман. — Поэтому мы разговариваем с Верой.

— А с нами?

— С вами тоже. Но сначала я должен понять, что могу предложить Вере и что она готова принять.

Марк посмотрел на меня.

— И сколько стоит стать частью семьи?

В кабинете стало очень тихо.

Ася нахмурилась.

— Марк, семья не стоит.

— Ещё как стоит, — сказал он. — Просто взрослые называют это условиями.

Я почувствовала, как во мне поднимается не злость даже. Боль. За него. За его девять лет, в которых уже было слишком много умения видеть под красивыми словами страх, расчёт и будущую потерю.

Я подошла к Марку и присела перед ним так же, как недавно перед Асей. Он тут же напрягся.

— Не надо со мной как с маленьким.

— Хорошо. Буду как с человеком, который только что сказал очень больную правду.

Он замолчал.

— Ты злишься, — сказала я.

— Нет.

— Тогда у тебя лицо просто занимается спортом.

Ася хихикнула.

Марк бросил на неё взгляд, но уже не такой закрытый.

— Ты думаешь, если я соглашусь на какой-то статус, значит, меня купили, — продолжила я. — Или что я потом уйду, когда всё закончится.

— А разве нет?

— Нет.

— Почему я должен верить?

— Не должен.

Он моргнул.

— Что?

— Не должен. Доверие нельзя потребовать. Его можно только заработать, а иногда — заново, если взрослые уже успели всё испортить.

Марк смотрел на меня почти сердито.

— И ты будешь зарабатывать?

— Да. Если ты позволишь.

— А если нет?

— Тогда буду стоять рядом на безопасном расстоянии и раздражать тебя своей стабильностью.

Ася радостно сказала:

— Вера умеет раздражать стабильно!

— Спасибо, Ася. Очень поддерживающе.

— Пожалуйста.

Марк отвернулся, но я успела заметить: его губы чуть дрогнули.

— Я не хочу, чтобы ты называлась мамой, а потом ушла, — сказал он тихо.

Всё.

Вот она, настоящая причина.

Не контракт.

Не статус.

Не Алиса.

Не публикация.

А этот мальчик, который умел шутить как взрослый, держаться как охранник и бояться так тихо, что многие могли

бы не заметить.

Я не стала тянуться к нему. Марк не Ася. Его нельзя было просто обнять и решить, что тепло всё сделает легче. С Марком любое движение должно было быть предложением, а не вторжением.

— Я тоже этого не хочу, — сказала я. — Поэтому я не разрешу взрослым, включая вашего очень делового папу, назвать меня так раньше, чем это станет правдой. И только если вы сами когда-нибудь этого захотите.

— Я не захочу, — буркнул он.

— Имеешь право.

Ася подняла руку.

— А я уже хочу.

— Ты тоже имеешь право, — сказала я. — Но хотеть и требовать — разные вещи.

Она подумала.

— Я могу хотеть громко?

— Можешь. Но без давления.

— А как это?

Марк вздохнул.

— Это когда ты хочешь так, чтобы у человека не появлялось желание спрятаться в шкафу.

— Вера не спрячется в шкафу.

— С таким утром я бы не был уверен, — сказала я.

Ася вдруг вспомнила про лист в руках и подбежала к столу.

— Я нарисовала!

Она положила бумагу прямо поверх романовского документа.

Инга Павловна тихо вдохнула у двери.

Роман посмотрел на лист.

Я тоже.

На рисунке был дом. Большой, кривоватый, с окнами, в каждом из которых кто-то торчал: Марк с недовольными бровями, Ася с короной, Роман в чёрном костюме и почему-то с красным галстуком, Инга Павловна с чашкой, Семён на крыше.

А рядом с домом стояла я.

С огромными волосами, зелёной кружкой в руке и подписью сверху большими неровными буквами:

“МАМА ВЕРА”.

Ниже Ася добавила сердечко.

И стрелочку к Роману.

На стрелочке было написано: “ПАПА, НЕ СПОРЬ”.

Если бы не вся боль ситуации, я бы рассмеялась.

Но смех застрял где-то между горлом и сердцем.

Роман смотрел на рисунок.

Долго.

Марк увидел подпись и сразу отвернулся к окну.

— Ася, — сказала я очень мягко, — рисунок чудесный.

— Правда?

— Очень. Особенно папин галстук. Смелое решение.

— Он красный, потому что папе надо быть веселее.

— Логично.

— А ты почему не рада?

Вот за что дети так беспощадны — они не дают спрятаться за вежливую улыбку.

Я взяла рисунок осторожно, будто он мог рассыпаться от неправильного дыхания.

— Я рада, что ты меня так видишь. Но мне немного страшно.

— Тебе тоже? — удивилась она. — Как папе?

— Да.

Ася посмотрела на Романа с видом человека, который обнаружил странное сходство между взрослыми.

— Вы оба боитесь?

— Похоже, да, — сказала я.

— Тогда вам надо держаться за руки.

Марк издал звук, похожий на попытку умереть от неловкости в девять лет.

— Ася.

— Что? Когда мне страшно, я держу Семёна.

— Семён не заключает семейных контрактов.

— Может, потому что у него лапы короткие.

Я всё-таки рассмеялась.

Немного.

Роман посмотрел на меня, потом на Асю.

— Рисунок можно оставить? — спросил он.

Ася просияла.

— В кабинете?

— Да.

— Не в ящике?

Он замер на долю секунды.

Я поняла, что она попала точно туда же, куда когда-то попал мягкий плед на скамейке. Роман хранил важное в ящиках. Не потому что не ценил. Потому что выставить наружу — значило признать: это важно не только внутри.

— Не в ящике, — сказал он. — На полке.

Ася кинулась к нему и обняла за талию.

Роман не сразу, но положил ладонь ей на голову.

Марк смотрел в окно.

И я видела, как ему сложно не обернуться.

— Марк, — сказал Роман.

— Что?

— Если ты захочешь нарисовать другой вариант, я тоже поставлю его на полку.

— Я не рисую семьи.

— Хорошо.

— И вообще, у меня графики лучше получаются.

— Тогда можешь сделать график.

Марк повернулся.

— График чего?

Роман помолчал.

— Как папа учится не портить всё решениями до обсуж-

дения.

Я медленно посмотрела на него.

— Это будет очень неровная линия, — сказал Марк.

— Вероятно.

— С провалами.

— Не исключаю.

— И подписью “папа снова решил быть главным”.

— Заслуженно.

Марк смотрел на отца, и в этом взгляде впервые за утро появилась не только злость. Там было недоверие, да. Обязательно. Но ещё — крошечный интерес. Осторожный. Почти незаметный. Как будто он вдруг увидел: отец не просто защищается, а пытается оставить дверь открытой.

— Ладно, — сказал Марк. — Может быть.

Ася тут же повернулась ко мне:

— Значит, мы все боимся, но всё равно остаёмся?

Как же легко дети иногда говорят то, к чему взрослые идут через три папки документов, четыре тяжёлых разговора и один нервный смех в кабинете.

— Пока да, — ответила я. — Остаёмся и думаем.

— А думать долго?

— У взрослых — ужасно долго.

— Тогда я буду рисовать ещё таблички.

— Только не на документах, — быстро сказала Инга Павловна.

Поздно.

Мы все посмотрели на стол.

Лист с “МАМА ВЕРА” действительно лежал поверх официальных бумаг. И если честно, выглядел там куда убедительнее всех печатных формулировок.

Роман аккуратно поднял рисунок.

— Инга Павловна, пожалуйста, проводите детей в игровую. Я подойду позже.

— Папа, ты обещаешь? — спросила Ася.

Роман посмотрел на меня.

Не потому что ждал подсказки. Скорее потому, что теперь сам понимал вес слова.

— Обещаю подойти после разговора с Верой, — сказал он. — Не знаю точное время, но сегодня.

Ася задумалась.

— Это почти нормально.

— Буду совершенствоваться.

— Семён записал.

Инга Павловна увела детей. Марк выходил последним. У двери он задержался и бросил на меня быстрый взгляд.

— Стабильно раздражать — это долго?

— У меня высокий ресурс.

— Посмотрим.

И ушёл.

Когда дверь закрылась, я опустилась в кресло.

Ноги вдруг стали ватными. Неприлично ватными для женщины, которая пять минут назад раздавала взрослые

обещания и защищала границы.

— Вот теперь я сяду, — сказала я. — Но исключительно потому, что стоя продолжать эту катастрофу неудобно.

Роман остался у стола с рисунком в руках.

— Она написала “мама”.

— Я заметила.

— Я не хотел, чтобы это произошло так.

— А как вы хотели? По графику? “В четырнадцать ноль-ноль ребёнок узнаёт о возможной трансформации семейного статуса Веры Соколовой”?

— Нет.

— Тогда добро пожаловать в живую жизнь. Здесь дети подслушивают, рисуют быстрее юристов и задают вопросы, от которых взрослые теряют остатки власти.

Он положил рисунок на полку.

Не в ящик.

На открытую полку рядом с книгами.

И этот жест почему-то сказал больше, чем все его утренние “согласен”.

— Нам нужно выработать временное решение, — произнёс он.

Я подняла палец.

— Очень осторожно со словом “выработать”. Оно звучит так, будто сейчас появится комиссия.

— Нам нужно поговорить с юристами.

— Это уже лучше.

— Они будут здесь через сорок минут.

— Конечно. У вас же даже катастрофы приходят по расписанию.

— Обычно да.

— Роман.

— Вера.

Мы посмотрели друг на друга.

И на секунду весь абсурд утра стал почти смешным: дети, Алиса, публикация, контракт, рисунок “Мама Вера”, Роман, который записал “Вера не одна”, и я, женщина, которая ещё вчера думала, что самое сложное в этом доме — не дать Асе убедить всех, что буква “А” слишком уверенная.

— Я не подпишу брачный договор, — сказала я.

— Я не буду просить вас сейчас.

— И потом не просите так, будто это часть стратегии.

— Хорошо.

— Я могу рассмотреть временное соглашение о семейном сопровождении. Только сопровождении. Чтобы официально подтвердить, что я рядом с детьми, участвую в их быте, имею право присутствовать на встречах, разговорах, школьных и семейных вопросах. Но без слова “мама” в документах.

— Согласен.

— И без слова “жена”.

Он выдержал паузу.

— Согласен.

— И без финансовых пунктов, которые делают меня похо-

жей на человека, получающего премию за участие в семейном спектакле.

— Компенсация расходов должна быть.

— Расходы — да. Покупать меня — нет.

— Я понял.

— Ещё. Любой публичный комментарий сначала согласуется со мной. Не с вашим PR-отделом, не с юристами, не с кем-то, кто считает, что "милая семейная история" закроет плохой заголовок. Со мной.

— Да.

— И с детьми мы говорим сегодня. Вместе. Не всё, но достаточно, чтобы они не додумывали страшнее реальности.

— Да.

Я прищурилась.

— Вы опять слишком быстро соглашаетесь.

— Я учусь.

— У вас получается подозрительно.

— Могу поспорить для баланса.

— Не надо. Я уязвима к вашим спорам.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Это хорошо или плохо?

— Это опасно.

Он не ответил сразу.

Потом тихо сказал:

— Я тоже это заметил.

Ну вот.

Опять.

Этот человек мог полчаса говорить про договор так, что хотелось поставить между нами забор, а потом одной фразой убрать половину досок.

— Роман, — сказала я, — я не знаю, что между нами. И не хочу выяснять это под давлением Алисы, юристов и публикаций.

— Я тоже не хочу.

— Но?

— Но времени мало.

— Ужасная фраза.

— Реальная.

— Реальность сегодня вообще ведёт себя невоспитанно.

В дверь постучали.

Роман посмотрел на часы.

— Климов пришёл раньше.

— Юрист?

— Да.

— Он всегда появляется в момент, когда люди почти начали говорить по-человечески?

— У него талант.

— Уже не люблю его.

Роман подошёл к двери.

— Климов нам нужен.

— Я не спорю. Я просто заранее устанавливаю эмоциональную дистанцию.

В кабинет вошёл мужчина лет сорока пяти, сухой, аккуратный, с папкой в руках и лицом человека, который, кажется, никогда не сомневался в пунктуации. За ним вошла женщина в строгом костюме — светловолосая, собранная, с планшетом. Оба окинули меня быстрыми профессиональными взглядами, которыми людей не рассматривают, а оценивают на предмет будущих сложностей.

Я сразу решила, что сложностью буду большой.

— Роман Андреевич, — сказал мужчина. — Мы подготовили три варианта.

— Климов, — Роман повернулся ко мне. — Вера Соколова.

— Да, конечно. — Климов кивнул. — Мы изучили вашу роль в жизни детей и текущий публичный контекст.

— Как увлекательно звучит моя жизнь со стороны, — сказала я.

Светловолосая женщина едва заметно подняла бровь.

Климов не отреагировал.

Профессионал.

Или просто давно работал с Романом и потерял способность удивляться.

— Меня зовут Елена Аркадьевна, — сказала женщина. — Я занимаюсь семейной частью вопроса.

— Прекрасно, — ответила я. — Тогда сразу предупрежу: дети — не “часть вопроса”.

Климов перевёл взгляд на Романа.

Роман спокойно сказал:

— Это одно из условий Веры. И моё тоже.

Я посмотрела на него.

Он не смотрел на меня.

Просто сказал.

И всё.

Елена Аркадьевна кивнула.

— Разумеется. Формулировка неудачная.

— Утро богато на неудачные формулировки, — заметила я. — Мы уже собрали коллекцию.

Климов положил папку на стол.

— Первый вариант — расширенный трудовой договор с дополнительными полномочиями по сопровождению детей.

— Нет, — сказал Роман.

Я повернулась к нему.

— Почему сразу нет?

— Потому что он оставляет вас сотрудницей.

— Я вообще-то пока и есть сотрудница.

— Алиса именно на этом будет строить аргумент.

Климов кивнул.

— Да. Формально Вера Соколова при таком варианте остаётся наёмным специалистом, допущенным в дом. Это не укрепляет позицию семьи.

— Как приятно, — сказала я. — Я уже выросла из няни, но ещё не доросла до мебели.

Елена Аркадьевна посмотрела на меня внимательнее.

— Второй вариант — соглашение о семейном сопровождении с отдельным протоколом доверенного лица. Он позволяет Вере Сергеевне участвовать в школьных и бытовых вопросах, быть рядом с детьми на встречах и выступать в качестве устойчивого взрослого в их повседневной жизни.

— Звучит уже менее пугающе, — сказала я.

— Но, — добавил Климов.

Разумеется.

В юридических разговорах “но” всегда приходит в хорошем костюме и портит воздух в комнате.

— Но этот вариант слабее в публичном и семейном споре, — продолжил он. — Представители Алисы уже делают акцент на том, что Вера Сергеевна находится в неопределённом личном статусе по отношению к Роману Андреевичу. Если мы не дадим этому статусу ясное объяснение, они дадут своё.

— То есть если мы не назовём себя сами, нас назовут за нас, — сказала я.

— Именно.

Роман стоял у окна.

Поза спокойная.

Плечи ровные.

Но я уже знала: чем спокойнее он выглядит, тем больше внутри напряжения. Хотелось подойти и сказать ему какую-нибудь глупость про то, что окно ни в чём не виновато, не надо прожигать его взглядом. Но при Климове и Елене

Аркадьевне это прозвучало бы слишком… нашим.

А у нас, как выяснилось, ещё не было названия.

— Третий вариант? — спросила я.

Климов открыл папку.

— Публичное обозначение отношений между Романом Андреевичем и Верой Сергеевной как личных и серьёзных. На первом этапе — помолвка. Не обязательно немедленное оформление брака, но статус невесты позволяет объяснить присутствие Веры Сергеевны в доме не только рабочими обязанностями.

Я услышала слово.

Невеста.

Второй раз за утро.

И на этот раз оно прозвучало не из уст Романа, а из уст юриста, что было ещё хуже. У Романа оно хотя бы выглядело как неловкая попытка защитить детей. У Климова — как правильная графа.

— А Вера Сергеевна при этом человек или приложение к статусу? — спросила я.

Елена Аркадьевна ответила раньше Климова:

— Именно поэтому мы здесь. Чтобы её позиция была прописана отдельно.

Мне понравилось, что она сказала “её”, а не “объекта сопровождения”. Уже что-то.

— Моя позиция простая, — сказала я. — Никакой лжи детям. Никакой продажи семейной картинки. Никаких по-

становочных сцен. Никаких обещаний, которые потом развалятся у них на глазах.

Климов сделал пометку.

— Понимаю.

— Сомневаюсь, но ценю попытку.

Роман повернулся от окна.

— В соглашение вносятся все условия Веры.

Климов посмотрел на него.

— Все?

— Все.

— Некоторые могут ослабить публичную линию.

— Тогда линия будет честнее.

Я посмотрела на Романа, и мне пришлось быстро опустить взгляд, потому что в груди стало слишком тесно от этой фразы.

Честнее.

Он выбрал не сильнее.

Не выгоднее.

Не безопаснее.

Честнее.

Вот так, шаг за шагом, он ломал мои попытки держать дистанцию. Не красивыми жестами. Не внезапной мягкостью. А тем, что в самый важный момент вставал на ту сторону, где стояли дети. И я.

Климов явно не был вдохновлён, но возражать не стал.

Обсуждение длилось почти час.

Я узнала о себе много нового. Например, что моё присутствие в доме можно назвать “стабилизирующим фактором”, “значимой эмоциональной связью” и “устойчивым элементом повседневной семейной структуры”. Я предложила вариант “женщина, которая знает, где лежат Асинины бантики и как не поругаться с Марком до обеда”, но Климов почему-то не записал.

Елена Аркадьевна оказалась куда человечнее, чем выглядела сначала. Она уточняла про детей аккуратно, не превращая их в папки. Спросила, как Ася реагирует на разговоры о матери. Спросила, что именно закрывает Марка. Не давила. Не лезла. Слушала.

Роман почти всё время молчал.

Но когда Климов предложил включить пункт о “контроле публичного поведения Веры Сергеевны”, Роман сказал:

— Нет.

Климов поднял глаза.

— Роман Андреевич, это стандартная мера.

— Вера не мой актив.

Мне захотелось встать, выйти, подышать, вернуться и попросить его повторить это ещё раз, но уже не при юристах, чтобы можно было нормально отреагировать.

Вместо этого я сказала:

— Благодарю. Я как раз собиралась возражать против превращения себя в актив. Особенно до обеда.

Климов вычеркнул пункт.

Потом предложил “согласование личных контактов, способных повлиять на семейный образ”. Тут уже я посмотрела на Романа.

— Только попробуйте согласиться.

Он даже не открыл рот.

— Не согласен, — сказал он Климову.

— Но если представители Алисы будут искать…

— Вера имеет право на личную жизнь.

Елена Аркадьевна слегка улыбнулась.

Климов, кажется, начал понимать, что день будет длинным.

К концу разговора на столе появился новый документ. Не брачный договор. Не помолвочное соглашение. Не то ужасное, от чего хотелось сбежать через окно, прихватив Семёна как моральную поддержку.

“Соглашение о семейном сопровождении”.

Звучало всё ещё странно.

Но уже не так, будто меня собирались внести в домовую книгу между графиком уборки и правилами использования гостиной.

— Это временная мера, — сказал Климов. — До первого слушания и стабилизации ситуации.

— Временная мера — любимая ловушка взрослых, — сказала я. — Потом оказывается, что временное живёт дольше некоторых ремонтов.

— Поэтому мы ставим срок, — вмешалась Елена Арка-

дьевна. — И право Веры Сергеевны выйти из соглашения после личного уведомления Романа Андреевича.

— И детей, — добавила я.

Климов замер.

— Детей нельзя включать как сторону соглашения.

— Я не прошу включать их как сторону. Я говорю, что если решу выйти, дети не узнают об этом последними.

Роман посмотрел на меня.

— Это справедливо.

Климов вписал формулировку так осторожно, будто боялся, что документ начнёт чувствовать.

Потом настал момент подписи.

Он оказался совершенно не торжественным.

Никакой музыки. Никакого ветра в занавесках. Никакого судьбоносного света из окна.

Просто стол, ручка, документы и я, сидящая рядом с мужчиной, который пытался защитить семью способом, от которого у меня всё внутри сопротивлялось, но в котором всё равно было что-то настоящее. Не в бумаге. В том, как он смотрел на детей через каждое слово.

Я взяла ручку.

Остановилась.

— Роман.

— Да?

— Я подписываю это не ради вашей репутации.

— Я знаю.

— Не ради Алисы.

— Знаю.

— Не ради денег.

— Вера.

— Нет, я должна сказать. Чтобы вы услышали. Я подписываю только потому, что Марк и Ася уже оказались внутри этого, а я не хочу, чтобы они думали, будто взрослые уходят, когда становится сложно.

Он смотрел на меня так, что мне снова захотелось спрятаться за шутку.

— Я услышал, — сказал он.

— Правда?

— Да.

— Не купите плед вместо ответа?

Он понял.

Конечно, понял.

И его взгляд стал мягче настолько, что мне пришлось первой посмотреть на лист.

Я подписала.

Вера Соколова.

Буквы легли на бумагу слишком обыденно для решения, которое могло изменить вообще всё.

Роман подписал следом.

Роман Ветров.

Аккуратно.

Чётко.

Без колебания.

Климов собрал документы, Елена Аркадьевна проверила страницы, а я впервые за всё утро позволила себе выдохнуть почти полностью.

Почти — потому что с этим домом полностью выдыхать было опасно. Он тут же подбрасывал новую проверку.

Так и случилось.

— Это ваш экземпляр, — сказала Елена Аркадьевна и протянула мне папку. — Здесь копия соглашения, приложения и краткая сводка публичной позиции на случай вопросов.

— Публичной позиции? — переспросила я.

Климов сразу стал слишком деловым.

— Формальность. Не заявление, не публикация. Просто внутренняя формулировка для представителей сторон.

Я открыла папку.

Первая страница — соглашение о семейном сопровождении.

Вторая — права и обязанности.

Третья — порядок участия в бытовых, школьных и семейных вопросах.

Четвёртая — конфиденциальность.

Пятая — взаимодействие с представителями сторон.

А потом я перевернула последнюю страницу.

И увидела строку, выделенную аккуратным шрифтом:

“Публичный статус: невеста Романа Ветрова”.

Я медленно подняла глаза.

Сначала на Климова.

Потом на Елену Аркадьевну.

Потом на Романа.

Он уже смотрел на эту страницу.

И по его лицу я поняла: он не видел эту формулировку раньше.

Или видел, но не понял, как она прозвучит, когда окажется у меня в руках.

В кабинете снова стало очень тихо.

Только теперь за дверью раздался радостный голос Аси:

— Марк! Я нашла место для таблички “Мама Вера”!

Марк ответил что-то неразборчивое, но по тону было ясно: он уже планирует спасательную операцию против детского оптимизма.

Я посмотрела на строку ещё раз.

Невеста Романа Ветрова.

Не семейный сопровождающий.

Не доверенный взрослый.

Не Вера, которая знает, как говорить с кашей, детьми и невозможными мужчинами.

Невеста.

Роман сделал шаг ко мне.

— Вера…

Я закрыла папку.

Очень спокойно.

Так спокойно, что даже сама себе не поверила.

— Поздравляю, Роман Андреевич, — сказала я. — Кажется, я только что узнала о своей помолвке из приложения к договору.

Невеста строгого режима

— Поздравляю, Роман Андреевич, — сказала я. — Кажется, я только что узнала о своей помолвке из приложения к договору.

Если бы в кабинете Романа Ветрова умели падать предметы, сейчас со стены наверняка сорвался бы какой-нибудь диплом, рамка с благодарностью или хотя бы деловая репутация Климова. Но кабинет был воспитанным. Он молча стоял вокруг нас, дорогой, ровный, строгий и, как обычно, делал вид, что ничего человеческого здесь не происходит.

Климов кашлянул.

Плохо кашлянул. Так кашляют люди, которые внезапно поняли: юридическая формулировка решила выйти из папки и ударить кого-то по лицу.

— Вера Сергеевна, это исключительно рабочее обозначение для ограниченного круга лиц, — начал он.

Я повернулась к нему.

— Знаете, что самое страшное в этой фразе?

Он осторожно поправил папку.

— Что именно?

— В ней всё.

Елена Аркадьевна посмотрела на страницу, потом на Романа. У неё было лицо человека, который ещё утром верил, что договоры спасают взрослых от хаоса, а теперь наблюдал,

как один короткий пункт устроил ему торжественный приём.

Роман не смотрел на Климова.

Он смотрел на меня.

— Я не согласовывал эту формулировку в таком виде.

— Но она здесь.

— Да.

— В моём экземпл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.